

УДК 903.022

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

М. Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Pereskokoff@yandex.ru

Рассматриваются керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье. Анализируются их развитие и локальные варианты. Выявляются хронологические и локальные особенности эволюции орнаментации керамики. Керамика исследуемых памятников представляет собой целостный комплекс, имеет единую орнаментальную систему, которая начала формироваться в предшествующее время (ерзовская, ананьинская и ранний этап гляденовской культуры) и продолжает своё развитие в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: гляденовская культура, керамика, орнаментация, форма сосуда, локальный вариант.

Фрагменты керамических сосудов, безусловно, составляют большую часть археологического материала в коллекциях памятников финала раннего железного века в Пермском Приуралье. Начало системному исследованию данной категории находок было положено В.Ф. Генингом [1959а], когда он впервые сопоставил известные в то время керамические комплексы пьяноборско-гляденовского времени. Разница в процентном соотношении типов орнаментации посуды являлась одним из доводов в пользу выделения в Прикамье новой археологической культуры – осинской [Генинг, 1959а; 1959б, с.190–195], хотя выборка была более чем скромной (3 памятника: Осинское городище, городище Чеганда I и Гляденовское костыще).

Более обстоятельную статистику керамических комплексов гляденовского времени представил Ю.А. Поляков [Поляков, 1967; 1978; 1999; 2001а]. В опубликованной посмертно статье [Поляков, 1999], специально посвященной керамике, им были приведены результаты сравнительного анализа комплексов более 10 памятников гляденовской культуры, позволившие сделать ряд интересных выводов. Ю.А. Поляков отстаивал целостность гляденовского керамического комплекса, отмечал единообразие форм сосудов, состава глиняного теста, орнаментации на территории распространения гляденовской культуры. Статистические же различия керамики исследователь связывал с локальными особенностями племенных территорий. Им была отмечена и идентичность керамических комплексов позднегляденовского и раннеломоватовского (харинского) времени. Несмотря на то что Ю.А. Поляковым был собран материал большинства доступных в тот момент комплексов гляденовского времени, его статистика объединила комплексы, сильно различающиеся хронологически, а также смешанные. Например, в статистике селища Култаевское I была учтена статистика и безворотничковой позднеананьинской керамики, и раннегляденовской, и позднегляденовской, что не дает объективных данных об этом керамическом комплексе. То же самое можно сказать и о материалах Гляденовского и Юго-Камского костыщ, при статистическом изучении которых принималось во внимание керамика не только разновременная (ананьинская, раннегляденовская, позднегляденовская), но и специфическая, культовая, значительно отличающаяся от бытовой.

Подобную ошибку совершил в своей работе, посвященной интересующей нас керамике, и В.В. Мингалев [Мингалев, 2009]. При внушительности выборки рассмотренные им комплексы имеют хронологический диапазон в более тысячу лет. Поэтому статистика не может не отразить хронологических изменений. Данные о части памятников были взяты им из работ Ю.А. Полякова, что принесло в работу В.В. Мингалева указанные ошибки. Разница в описаниях керамических комплексов исследователями и не всегда полные данные порождают ряд неточностей. Следует также обратить внимание на такой важный аспект в изучении керамики гляденовского времени, как ее контекст. Так, многие ученые учитывают только цифры, которые показывают соотношение типов орнаментации, на основании чего делают выводы не только о культурной принадлежности населения, оставившего эти керамические комплексы, но и об их этнической принадлежности, считая орнаментацию керамики «этническим маркером» [Крыласова, 2007, с.166; Белавин, Крыласова, 2009],

с чем вряд ли можно согласится [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2009]¹. Статистическое изучение керамики с учетом таких специфических памятников как костища не только способствует неоднозначности выводов, но и позволяет ставить под сомнение их объективность в целом. Тем не менее выводы В.В. Мингалева в общих чертах повторяют выводы Ю.А. Полякова.

Нами была проанализирована керамика 25 памятников, относящихся к различным типам и племенным территориям, но охватывающих более короткий хронологический период. В выборку были включены только чистые комплексы, и из нее исключены все многослойные памятники. Культовая и бытовая керамика костищ рассматривалась отдельно. В итоге у нас появилась возможность сравнить не только керамику разных племенных территорий, но и комплексы единовременных памятников разных типов одной территории, а также сопоставить керамику с материалами памятников указанных территорий предшествующего времени. При сопоставлении выборки были использованы подсчеты автора (могильник Верхний Ирьяк, селища Заюрчимское VI, Косогоры I и Нижняя Курья IБ, Бутырское городище), остальные данные были взяты из публикаций и научных отчетов. Следует отметить, что объем использованных данных в работах разных ученых сильно разнится, в связи с чем в таблице есть пробелы. Тем не менее данные по орнаментации керамики приведены авторами в полном объеме.

В целом представленный комплекс достаточно однороден. Это выражается в единстве как форм сосудов (рис. 1, 1), состава теста, так и орнаментации. При одинаковом наборе не только техники орнаментации, но и основных узоров локальные различия заключаются только в соотношении этих узоров, выполненных в разной технике. Поэтому выявляется закономерность: чем ближе памятники к соседнему локальному варианту гляденовской культуры (или племенной территории), тем больше в их керамике типов орнаментации, преобладающих у соседей (своеобразный орнаментальный континуум). Комплексы памятников разных типов, происходящих с одной племенной территории, очень близки. Различие же их состоит в том, что керамика погребальных комплексов может несколько отличаться от поселенческой, в первую очередь по степени орнаментации венчика и шейки. Причем на могильниках она зачастую выше, особенно на керамике поздних этапов; например, на керамике гайнинской группы харинских могильников, по В.Ф. Генингу и Р.Д. Голдиной, по венчику орнаментировано 83%, а по шейке – 88%, что является наивысшим индексом в данной выборке. Поселенческая керамика близка к бытовой керамике с костищ, но значительно отличается от культовой (рис. 1,2) как формами сосудов (в культовой керамике подавляющее большинство сосудов III типа), так и степенью орнаментации, причем в отличие от индекса керамики могильников индекс орнаментации ее крайне низок (Ильинское костище – 7,7% по венчику, 1,3% по шейке; Гаревское – соответственно 14 и 3,2%; Усть-Туйское – 24,5 и 2,2%; Слепушка – 5 и 5%). Техника орнаментации же и основные узоры бытовой, культовой, погребальной и поселенческой посуды идентичны.

При сравнении рассматриваемых керамических комплексов с керамикой предшествующего времени, обнаруженной на тех же племенных территориях, прослеживается формирование её специфики в определенных локальных группах. Так, керамика сылвенской и чусовской территорий (рис. 9, 10–20) отличается высоким процентом резной орнаментации (бытовая керамика костища Слепушка – 85% резного орнамента по венчику и 80% резного орнамента по стенкам), что может считаться ее локальной спецификой, появившейся под влиянием разных керамических комплексов, найденных в бассейнах рек Чусовой и Сылвы и относящихся к ананьинскому (Усть-Сылвенское городище, Усть-Телесское поселение) и раннегляденовскому (Турбинское селище – 78% орнаментации по венчику и 77% по шейке) времени.

Комплексы Мулянской территории (рис. 8), а также территории осинского локального варианта (рис. 4–5; 6, 1–15) формировались на основе гребенчато-шнуровой и ямочной керамики позднеананьинского времени. Причем условная граница преобладания ямочной и гребенчато-шнуровой орнаментации ананьинской керамики проходила чуть южнее Мулянской территории, о чем свидетельствует высокий процент ямочной орнаментации на Юго-Камском костище (4,5% по венчику и 52% по шейке). В гляденовское же время она постепенно отступила на юг и стала пролегать по территории распространения тулвинско-частинского варианта гляденовской культуры. Мулянская территория является наиболее синкретичной в плане орнаментации керамики, что вполне может объясняться ее очень плотной заселенностью, а также наличием крупнейшего святилища – Гляденовского костища, которое использовалось жителями всех племенных территорий.

В связи с этим несколько особняком стоит керамика тулвинско-частинского локального варианта (рис. 6, 16–27; 7). Можно говорить лишь о влиянии на ее формирование мазунинской культуры, но относить к ней эту керамику не совсем корректно². Керамические комплексы данной территории начиная с ананьинского времени отличались от более северных (конецгорский тип) как раз преобладанием ямочной орнаментации (ананьинские памятники очерского, еловского и частинского Прикамья). Это, безусловно, было связано с сильными южными связями населения еловской группы ананьинской культуры (по А.Д. Вечтомову), на основе которой и сформировался своеобразный вариант гляденовской культуры. Причем граница между тулвинско-частинским и осинским вариантами гляденовской культуры является достаточно условной и определяется в основном различием керамических комплексов. Отсутствие же на территории распространения тулвинско-частинского варианта памятников со значительным преобладанием орнаментации более северных вариантов, вероятно, связано с отсутствием в этом направлении активной внутренней миграции осинских и муляньских племен, которые фиксируются в северном направлении. Небольшой процент шнуровой и гребенчатой орнаментации (2% шнуровой на Калиновском городище; 41,6% гребенчатой и 16,6% шнуровой на Верхне-Ирьякском могильнике) только подтверждает верность данного объяснения. При этом орнаментация керамики Махонинского и Калиновского городищ может быть связана с хронологией, а керамика является несколько более ранней по отношению к другим комплексам, хотя хорошо датированных вещей на обоих памятниках не найдено.

Керамика верхнекамского варианта (рис. 2,3), отличающаяся высоким процентом защипной орнаментации (Опутятское городище, Коновалытское селище, Бутырское городище), является несколько более поздней, чем керамика пермского варианта, и процент защипной орнаментации служит несомненным хронологическим признаком. В целом же стоит согласиться с мнением Ю.А. Полякова о том, что эта керамика принадлежит гляденовскому населению, которое с I в. постепенно сдвигалось на север, занимая свободные пастбищные поймы р. Камы. Происхождение защипов по венчику в это время можно связать с эволюцией гребенчатого орнамента по венчику, что хорошо видно на керамике Бутырского городища, в орнаментации которой используется крупного размера мелкозубчатый штамп (возможно, зуб животного), оттиски которого практически неотличимы от защипов. Процент гребенчатого орнамента по венчику керамики на этой территории в целом выше, а резного – ниже (Зародятское селище – 78% гребенчатого и 12% резного; Бутырское городище – 64,8% гребенчатого и 9,9% резного; Бурковский могильник – 83% гребенчатого). Интересно сравнение бытовой керамики Гаревского и Усть-Туйского костыщ, орнаментация венчиков которых имеет противоположные индексы (Гаревское – 29% гребенчатой и 71% резной; Усть-Туйское – 72% гребенчатой и 24% резной). Усть-Туйское костыще (I–II – IV вв.) является более ранним, чем Гаревское (II–VII вв.), но последнее имеет более широкую хронологию [Летихин, 2007, с.109–111]. В целом же набор орнаментов остается единым.

С внутренними миграционными процессами можно связать и появление гребенчатых комплексов в Чусовском и Сылвенском бассейнах, но появление керамики с преобладанием гребенчато-шнуровой орнаментации отмечено не ранее III–IV вв. (керамика селища Пеньки и Бродовского могильника). Эти процессы послужили началом активной колонизации указанных территорий выходцами с территории осинского (пермского?) локального варианта гляденовской культуры. Смешанное сылвенско-чусовское и осинское (пермское?) население стало основой формирования населения неволинской культуры и чусовской группы ломоватовской культуры. Характерные же для указанной территории резные орнаментальные традиции получили развитие в керамике неволинской культуры.

В ходе культурного и «этнического» определения населения, осуществляемого некоторыми исследователями исходя из орнаментации керамики, всегда сравниваются орнаментированные сосуды. Так, А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, считая шнуровой орнамент в Прикамье «этническим маркером», объясняя высоким процентом его использования преобладание здесь угорского населения, упускают из виду один факт. Индекс шнуровой орнаментации шеек сосудов, достигающий в ряде случаев 40%, определяется исходя из числа орнаментированных по стенке сосудов, доля которых в исследуемых памятниках не превышает 10–19% от общего числа выделенных сосудов. Так, в керамике Коновалытского селища, где шнуровая орнаментация составляет 37%, доля сосудов, орнаментированных по шейке, достигает 11%. Таким образом, из 138 найденных на памятнике сосудов только 6 имеют шнуровой орнамент.

Еще более специфическими являются керамические материалы костяк. Так, в комплексе Ильинского костяка (найден только один фрагмент бытовой посуды), насчитывающем 233 сосуда, шнуровой орнамент по стенкам составляет 66,6%. В действительности шнуровой орнамент присутствует на 2 сосудах (из 3 орнаментированных по шейке). Шнуровая орнаментация культовой посуды Усть-Туйского костяка составляет 100%, из 45 сосудов орнаментирован по шейке только 1. Не менее интересная ситуация с керамикой Махонинского городища: из 415 сосудов только 4 имеют ямочный орнамент или различные вдавления, т.е. ямочная орнаментация керамики городища достигает 100%. Исходя из приведенных примеров представляется некорректным исходя из керамики относить малые костяка к ломоватовской культуре [Мингалев, 2009, с.130].

Вся описанная керамика, безусловно, имеет местное происхождение. Но на ряде памятников найдена керамика, которую нельзя связать с гляденовской керамической традицией. В первую очередь это могильники, где выявлены погребения, которые можно отнести к пришлому воинскому населению. Количество предметов этой керамики по сравнению с местной невелико – не более двух десятков сосудов и их фрагментов. Плоскодонный кувшин с ручками был найден в Бродовском могильнике (курган 45, канавка) [Голдина, 1986, табл. 17, 34]. Такая форма сосудов, плоское дно характерны для памятников позднесарматского круга (обнаружены, например, в Салиховском могильнике в Башкирии [Васюткин, 1986, с.190]. Единичные находки ручек сосудов (рис. 3, 14) отмечены на памятниках Пермского Прикамья (Горюхалихинское, Бутырское городища, костяка Слепушка, Гляденовское). Плоскодонный сосуд без орнамента найден В.Ф. Генингом в Тураевских курганах [Генинг, 1976]. Плоские доньшки с большой примесью песка в тесте присутствуют в погребениях могильника Верхний Ирьяк (рис. 7, 22) и материалах Гляденовского костяка. Из Верхне-Ирьякского могильника происходит обломок небольшой плоскодонной чашечки (рис. 7, 15), а также чашечки с «ножкой» (рис. 7, 10), аналогов которым найти нам не удалось. Возможно, данные типы сосудов являются своеобразными «вариациями» изделий местных керамических мастеров в подражание импортным образцам. Вероятно, к ним можно отнести сосуд с ручками и круглым дном из Кудашевского могильника (рис. 7, 5) [Казанцева, 2004].

Важно также отметить отсутствие на рассматриваемых памятниках зауральской керамики. Находки её в целом единичны и связаны с северными районами Пермского Прикамья (Березовский микрорайон), куда могли проникать небольшие группы зауральских охотников и собирателей, что связано с хозяйственно-культурным типом, основанным на присваивающей экономике. Аналогичные процессы прослеживаются и в материалах республики Коми [Мельничук, Перескоков, 2013].

Кроме того, необходимо отметить появление в керамике острорёберных сосудов и орнамента из шнура в виде «подковок». В.Ф. Генинг соотносил это явление с харинскими керамическими комплексами и связывал с пришлыми группами населения [Генинг, 1959а, с.184–187]. Его гипотеза была в дальнейшем развита сторонниками «угорской концепции» вплоть до выделения «этнического маркера» [Жазаков, 2007; Крыласова, 2007; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009]. Данная точка зрения, на наш взгляд, совершенно не обоснованна. Появление данных элементов в керамическом комплексе можно связать с возвращением на них «моды», так как сочетание этих элементов отмечено в керамических комплексах Пермского Прикамья в развитое ананьинское (селище Еловское II) и позднеананьинское время (Гремячанское святилище), где они соседствуют с воротничком [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2009].

Анализ керамики во многом подтверждает выводы Ю.А. Полякова, сделанные им на большом материале, большей частью интуитивно. В первую очередь это касается единства гляденовского керамического комплекса, отличающегося едиными формами сосудов, составом теста, орнаментацией. Важным общим признаком указанного комплекса является низкая степень орнаментации сосудов, особенно по шейке (не более 19%).

Гляденовская керамика имеет локальные вариации, основанные на традициях предков – ананьинского и раннегляденовского населения конкретных племенных территорий. Невозможность разделить керамику позднегляденовского и харинского времени подтверждается мнением Ю.А. Полякова о том, что ее оставило одно население, а выявленные хронологические признаки лишь отражают развитие керамических комплексов во времени. Выделение же рядом исследователей на основе орнаментации керамики новых археологических культур (осинской, гаревской) и использование ее как «этнического маркера» в археологии раннего железного века и Средневековья Пермского Приуралья представляется некорректным и методологически неверным.

Примечания

¹ В настоящей статье я не затрагиваю вопроса о корректности определения этнической принадлежности населения, например, по соотношению орнаментов на керамических сосудах (как и по остальным «этномаркерам»), как это делают наши оппоненты, обнаруживая в керамике не только «угорский» но и «финский» компонент [Белафин, Крыласова, 2013, с. 99–105]. Критика этого методологического подхода известна. «Ошибочность и ущербность такого подхода», а также главенство языка в этнических определениях еще раз аргументировал в своей недавней работе С.К. Белых [Белых, 2013], с чем трудно не согласиться. Я же хочу обратить внимание на методологическую небрежность именно при работе с керамикой. Например, когда в публикациях даются только процентные соотношения орнаментов, которые непонятным способом получены (от общего числа сосудов или от числа орнаментированных и пр.), которые невозможно проверить (например [Белафин, Иванов, Крыласова, 2009]) и которые становятся основным «аргументом» для построения реконструкций, в том числе этнических. Такая «методика» позволяет получить любые «статистические» данные, которые нужны исследователям.

² Принадлежность памятников этой территории (тулвинско-частинского варианта) к гляденовской культуре доказывал еще Ю.А. Поляков [1967; 1978; 2001а]. Современные данные эту точку зрения, на наш взгляд, убедительно подтверждают, в частности, керамический материал памятников на границе осинского и тулвинско-частинского локальных вариантов (Кудашевский и Верхне-Ирьякский могильники). Граница между локальными вариантами очень размыта, а соотношение количественных показателей орнаментации керамики изменяется постепенно. Саму же территорию тулвинско-частинского локального варианта можно считать не только окраиной гляденовской культуры, но и своего рода буферной зоной между гляденовской и пьяноборской культурными общностями [Коренюк, Перескоков, 2012; Перескоков, 2013а; Перескоков, 2013б]. Высказанная же в нашей недавней совместной с С.Н. Коренюком и А.Ф. Мельничуком работе [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2013] мысль: «...можно согласиться с Р.Д. Голдиной в том, чтобы частинско-еловские группы памятников типа Махони и Калиново рассматривать в рамках среднекамского варианта пьяноборской общности...» [С.86] – принадлежит А.Ф. Мельничуку и не разделяется соавторами.

³ Данные представлены в процентах во всех таблицах, кроме сведений об общем количестве сосудов и количестве орнаментированных по шейке сосудов. Данные орнаментации получены исходя из количества орнаментированных сосудов. Условные обозначения в таблицах: ? – данных нет; х – орнаментация присутствует, но конкретных данных о ней нет.

Библиографический список

- Белафин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 285 с.
- Белафин А.М., Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. // Культурные связи Европейского Северо-Востока в древности и средневековье: матер. по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2013. Вып.18. С.99–105.
- Белафин А.М., Крыласова Н.Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа // Труды КАЭЭ. Пермь, 2009. Вып. 6. С.118–125.
- Белых С.К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2013. Вып.1. С.100–105.
- Васильева А.В., Перескоков М.Л. Керамический комплекс поселения Косогоры 1: предварительное сообщение // Труды КАЭЭ. Пермь, 2008. Вып.5. С.130–133.
- Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // Сов. археология. 1986. №2. С.180–197.
- Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты К(В)АЭ. М., 1959а. Вып.1. С.196–209.
- Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С.92–135.
- Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ. М., 1959б. Вып.1. С.164–195.
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1959в. Вып.2. С.157–219.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С.55–109.
- Голдина Р.Д. Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С.47–98.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
- Казаков Е.П. Об этнокультурной ситуации в Урало-Поволжье эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С.140–144.
- Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. 176 с.
- Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С.43–64.

- Казанцева О.А.* Некоторые итоги изучения керамики Кудашевского могильника (IV–V вв.) // XVII Урал. археол. совещание: матер. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, 2007. С.253–256.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Гляденовская культура и «угорская концепция» в археологии раннего железного века Пермского Приуралья // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): матер. всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013. С.85–89.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Шнуровой орнамент как этнический индикатор в культурах раннего железного века Среднего Приуралья // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: Тр. КАЭЭ. Пермь, 2009. Вып.6. С.109–117.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л.* К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С.133–141.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л.* Позднегляденовский комплекс Заюрчимского VI поселения // Регионы России: экономика, культура, история (матер. междунар. науч.-практ. конф.). Березники, 2009. С.419–426.
- Крыласова Н.Б.* Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С.166–172.
- Летихин А.Н.* Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.
- Летихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Костице Слепушка на р. Сылве – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.
- Мельничук А.Ф., Корчагин П.А., Перескоков М.Л.* Исследования селища Нижняя Курья–16 в Кировском районе г. Перми // Регионы России: экономика, культура, история (матер. междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2009. С.409–418.
- Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Средневековая керамика нижнеобского облика на памятниках Северного Прикамья // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. №3(23). С.249–253.
- Мельничук А.Ф., Соболева Н.В.* Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С.99–109.
- Мингалев В.В.* Керамика Чазевского I могильника // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: Тр. КАЭЭ. Пермь, 2009. Вып.6. С.125–133.
- Норицын А.А.* Керамический комплекс Мокинского могильника // Обл. студ. науч. конф. Пермь, 1992. С.15–17.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
- Перескоков М.Л.* Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 1 (21). С.58–66.
- Перескоков М.Л., Павлова А.О.* Посуда Бутырского городища в контексте керамических комплексов финала раннего железного века Пермского Прикамья // Археол. наследие как отражение ист. опыта взаимодействия человека, природы, общества (XII Бадеровские чтения). Ижевск, 2010. С.224–229.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001а. Вып.1. С.10–19.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье (III в. до н.э. – середина VI в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1978 // Архив КАЭ Перм. гос. ун-та.
- Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Вып.148. 1967. С.197–215.
- Поляков Ю.А.* Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. №1. С.4–10.
- Поляков Ю.А.* Коновалютское селище // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. 1960. Т.12, вып.1. С.207–218.
- Поляков Ю.А.* Махонинское городище // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып.2. С.90–94.
- Поляков Ю.А.* Пещерское городище // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001б. Вып.1. С.20–36.
- Соколова Н.Е.* Керамика Мокинского поселения и могильника // Обл. отчет. студ. науч. конф. Пермь, 1989. С.19–20.
- Чурилов Э.В.* Комплекс керамики типа Федотовского городища на поселении Половинное I // Обл. студ. науч. конф. Пермь, 1992.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.01.2015

FINAL EARLY IRON AGE CERAMIC OF PERM REGION

M.L. Pereskakov

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, Perm, 614990, Russia
Pereskokoff@yandex.ru

The final early Iron Age ceramics of the Perm Ural region is characterized by a combination of existing compositions of comb, rope, carved ornamentation and patching. Comb ornamentation prevails in the monuments of the Osa local variant. The Chusovaya tribal area has a rather high percentage of carved ornament, which is typical for

the Ananyino and early Glyadenovo monuments. The Yugovskaya tribal territory's ceramics has a sufficiently large percentage of patching ornamentation. The Perm ceramics is characterized by the ratio of comb, rope, patching and carved ornamentation. The Verkhnekamsk ceramic complexes have increasing amount of comb and corded ornamentation and pinch ornament on the rim, and at the same time the decreasing amount of carved ornament and patching. The Tulva-Chastye local variant's ceramics has a sharp prevalence of patching ornamentation increasing to the south. The similar specificity of the Tulva-Chastye ceramics is present in the Ananyino and early Glyadenovo monuments. The specificity of ceramic complexes of the Chusovaya monuments can be traced in the materials of the Nevolino culture formed on their basis. The originality of the Verkhnekamsk ceramic complexes, in addition to local features, can be attributed to chronological difference, as the Verkhnekamsk monuments, in general, are later than the Perm, Tulva-Chastye and Osa ones, which cease to exist in the early 6th century. The Verkhnekamsk territory becomes a key in the shaping of the Lomatovo culture, characterized by such ceramic complexes.

Key words: Glyadenovo culture, ceramics, ornamentation, shape of a vessel, local variant.

References

- Belavin A.M., Ivanov V.A., Krylasova N.B.* Ugly Predural'ya v drevnosti i srednie veka. Ufa, 2009. 285 s.
- Belavin A.M., Krylasova N.B.* O finskom komponente v drevnostyakh Permskogo Predural'ya X–XI vv. *Kul'turnye svyazi Evropeyskogo Severo-Vostoka v drevnosti i srednevekov'e: mater. po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka*. Syktyvkar, 2013. Vyp.18. S.99–105.
- Belavin A.M., Krylasova N.B.* Shnurovoy ornament – etnicheskii marker v kul'turakh Predural'ya epokhi zheleza. *Trudy KAE. Perm'*, 2009. Vyp. 6. S.118–125.
- Belykh S.K.* Etnos i arkheologicheskie «etnomarkery» (polemicheskie zametki). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya*. 2013. Vyp.1. S.100–105.
- Vasil'eva A.V., Pereskokov M.L.* Keramicheskii kompleks poseleniya Kosogory 1: predvaritel'noe soobshchenie. *Trudy KAE. Perm'*, 2008. Vyp.5. S.130–133.
- Vasyutkin S.M.* Salikhovskiy kurgannyy mogil'nik kontsa IV–V vv. v Bashkirii. *Sov. arkheologiya*. 1986. №2. S.180–197.
- Gening V.F.* Mogil'nik Kachka // *Otchety K(V)AE. M.*, 1959a. Vyp.1. S.196–209.
- Gening V.F.* Oputyatskoe gorodishche – metallurgicheskii tsentr kharinskogo vremeni v Prikam'e. *Pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Verkhnem Prikam'e*. Izhevsk, 1980. S.92–135.
- Gening V.F.* Osinskoe gorodishche // *Otchety K(V)AE. M.*, 1959b. Vyp.1. S.164–195.
- Gening V.F.* Ocherk etnicheskikh kul'tur Prikam'ya v epokhu zheleza. *Tr. Kazan. filiala AN SSSR. Ser. gumanit. nauk. Kazan'*, 1959v. Vyp.2. S.157 – 219.
- Gening V.F.* Turaevskiy mogil'nik V v. (zakhoronenie voenachal'nikov). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya*. Kazan', 1976. S.55–109.
- Goldina R.D.* Issledovanie kurgannoy chasti Brodovskogo mogil'nika. *Priural'e v drevnosti i srednie veka*. Ustinov, 1986. S.47–98.
- Goldina R.D.* Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk, 1985. 280 s.
- Kazakov E.P.* Ob etnokul'turnoy situatsii v Uralo-Povolzh'e epokhi srednevekov'ya. *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy*. Syktyvkar, 2007. S.140–144.
- Kazantseva O.A.* Katalog arkheologicheskikh pamyatnikov Bardymskogo rayona Permskoy oblasti. Izhevsk, 2004a. 176 s.
- Kazantseva O.A.* Krasnoyarskiy mogil'nik. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya*. Izhevsk, 1988. S.43–64.
- Kazantseva O.A.* Nekotorye itogi izucheniya keramiki Kudashevskogo mogil'nika (IV–V vv.). *XVII Ural. arkheol. soveshchanie: mater. nauch. konf. (Ekaterinburg, 19–22 noyabrya 2007 g.)*. Ekaterinburg, 2007. S.253–256.
- Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., Pereskokov M.L.* Glyadenovskaya kul'tura i «ugorskaya kontseptsiya» v arkheologii rannego zheleznoogo veka Permskogo Priural'ya. *Istorko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniya sotsial'no-istoricheskoy pamyati grazhdanskogo obshchestva (XIV Baderovskie chteniya): mater. vseros. nauch.-prakt. konf.* Izhevsk, 2013. S.85–89.
- Korenyuk S.N., Mel'nichuk A.F., Pereskokov M.L.* Shnurovoy ornament kak etnicheskii indikator v kul'turakh rannego zheleznoogo veka Srednego Priural'ya. *Permskie finny i ugly Urala v epokhu zheleza. Tr. KAE. Perm'*, 2009. Vyp.6. S.109–117.
- Korenyuk S.N., Pereskokov M.L.* K voprosu ob etnokul'turnoy situatsii v Prikam'e v seredine I tys. n.e. *Issledovaniya po srednevekovoy arkheologii Evrazii*. Kazan', 2012. S.133–141.
- Korenyuk S.N., Pereskokov M.L.* Pozdneglyadenovskiy kompleks Zayurchimskogo VI poseleniya. *Regiony Rossii: ekonomika, kul'tura, istoriya (mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.)*. Berezniki, 2009. S.419–426.
- Krylasova N.B.* Markiruyushchie elementy material'noy kul'tury ugrov epokhi srednevekov'ya. *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy*. Syktyvkar, 2007. S.166–172.
- Lepikhin A.N.* Kostishcha glyadenovskoy kul'tury v Srednem i Verkhnem Prikam'e. Berezniki, 2007. 224 s.
- Lepikhin A.N., Mel'nichuk A.F.* Kostishche Slepushka na r. Sylve – zhertvennoe mesto pozdney stadii razvitiya glyadenovskoy kul'tury. *Issledovaniya po arkheologii i istorii Urala*. Perm', 1998.

- Mel'nichuk A.F., Korchagin P.A., Pereskokov M.L. Issledovaniya selishcha Nizhnyaya Kur'ya–1b v Kirovskom rayone g. Permi. *Regiony Rossii: ekonomika, kul'tura, istoriya (mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Berezniki, 2009. S.409–418.*
- Mel'nichuk A.F., Pereskokov M.L. Srednevekovaya keramika nizhneobskogo oblika na pamyatnikakh Severnogo Prikam'ya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2013. №3(23). S.249–253.*
- Mel'nichuk A.F., Soboleva N.V. Selishche Pen'ki – pamyatnik kharinskogo vremeni na r. Chusovoy. *Priural'e v drevnosti i srednie veka. Ustinov, 1986. S.99–109.*
- Mingalev V.V. Keramika Chazevskogo I mogil'nika. *Permskie finny i ugry Urala v epokhu zheleza. Tr. KAEЕ. Perm', 2009. Vyp.6. S.125–133.*
- Noritsyn A.A. Keramicheskiy kompleks Mokinskogo mogil'nika. *Obl. stud. nauch. konf. Perm', 1992. S.15–17.*
- Pereskokov M.L. Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (pervaya polovina – sredina I tys. n.e.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2013.
- Pereskokov M.L. Territoriya i lokal'nye varianty pozdnego etapa glyadenovskoy kul'tury v Permskom Prikam'e. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya. 2013. Vyp. 1 (21). S.58–66.*
- Pereskokov M.L., Pavlova A.O. Posuda Butyrskogo gorodishcha v kontekste keramicheskikh kompleksov finala rannego zheleznogo veka Permskogo Prikam'ya. *Arkheol. nasledie kak otrazhenie ist. opyta vzaimodeystviya cheloveka, prirody, obshchestva (XII Baderovskie chteniya). Izhevsk, 2010. S.224–229.*
- Polyakov Yu.A. Glyadenovskaya kul'tura. *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ya. Berezniki, 2001a. Vyp.1. S.10–19.*
- Polyakov Yu.A. Glyadenovskaya kul'tura v Verkhnem i Srednem Prikam'e (III vv. do n.e. – sredina VI v. n.e.): dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 1978. *Arkhiv KAE Perm. gos. un-ta.*
- Polyakov Yu.A. Itogi izucheniya pamyatnikov glyadenovskoy kul'tury v Verkhnem i Srednem Prikam'e. *Uchenye zapiski PGU. Vyp.148. Perm', 1967. S.197–215.*
- Polyakov Yu.A. Keramika glyadenovskoy kul'tury. *Finno-Ugrica. 1999. №1. S.4–10.*
- Polyakov Yu.A. Konovalyatskoe selishche. *Uchen. zapiski Perm. gos. un-ta. T.12, vyp.1. 1960. S.207–218.*
- Polyakov Yu.A. Makhoninskoe gorodishche. *Voprosy arkheologii Urala. Sverdlovsk, 1962. Vyp.2. S.90–94.*
- Polyakov Yu.A. Peshcherskoe gorodishche. *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ya. Berezniki, 2001b. Vyp.1. S.20–36.*
- Sokolova N.E. Keramika Mokinskogo poseleniya i mogil'nika. *Obl. otchet. stud. nauch. konf. Sektsiya ist. nauk. Perm', 1989. S.19–20.*
- Churilov E.V. Kompleks keramiki tipa Fedotovskogo gorodishcha na poselenii Polovinnoe I. *Obl. stud. nauch. konf. Perm', 1992.*

Таблица 1

Источники данных по керамическим комплексам

№	Памятник	Источник
Верхнекамский локальный вариант		
1	Коновалыатское селище	Поляков, 1960, с.211–213
2	Бутырское городище	Перескоков, Павлова, 2010, с.224–229
3	Опутятское городище	Генинг, 1980, с.118–126
4	Ильинское костыще	Лепихин, 2007, с.68
5	Гаревское костыще	Лепихин, 2007, с.70
6	Усть-Туйское костыще	Лепихин, 2007, с.71
7	Зародятское селище	Голдина, 1985, с.96–97
8	Бурковский могильник	Генинг, Голдина, 1973, с.84
9	Гайнинская группа памятников по В.Ф. Генингу и Р.Д. Голдиной	Генинг, Голдина, 1973, с.84
Тулвинско-частинский локальный вариант		
10	Могильник Верхний Ирьяк	Перескоков, 2007, с.229–233
11	Калиновское городище	Поляков, 1978, с.54–73
12	Махонинское городище	Поляков, 1962, с.92–94

Окончание табл. 1

13	Красноярский могильник	Казанцева, 2004
Осинский локальный вариант		
14	Горюхалихинское городище	Поляков, 1978, с.54–73
15	Осинское городище	Генинг, 1959б, с.187
16	Пещерское городище	Поляков, 2001, с.33–35
17	Городище Черновское I, раскоп 1960 г.	Поляков, 1978, с.5–73
18	Мокинский могильник, ранняя часть	Соколова, 1989, с. 17–19; Норичын, 1992, с.15–17
Пермский локальный вариант		
19	Поселение Половинное I	Чурилов, 1992
20	Селище Заурчим VI	Коренюк, Перескоков, 2009, с.419–426
21	Селище Косогоры I	Васильева, Перескоков, 2008, с.130–133
22	Селище Нижняя Курья 1Б	Мельничук, Корчагин, Перескоков, 2009, с.409–418
23	Слепушкинское костыще	Лепихин, 2007, с.69
24	Селище Пеньки	Мельничук, Соболева, 1986, с.102–104
25	Бродовский курганный могильник	Голдина Р.Д., 1986

Таблица 2

Керамика верхнекамского локального варианта: орнаментация³

Характер орнаментации	Коновалытское селище	Бутырьское городище	Опудытское городище	Ильинское костыще	Гаревское костыще (бытовая керамика)	Гаревское костыще (культурная керамика)	Усть-Туйское костыще (бытовая керамика)	Усть-Туйское костыще (культурная керамика)	Зародытское селище	Бурковский могильник	Гайнинская группа (по В.Ф. Генингу)
Индекс орнаментации по венчику	52	67	85,8	7,7	100	14	92,5	24,5	71	54	83
Индекс орнаментации по стенкам	11	12	12	1,3	42	3,2	29,6	2,2	10	0	88
По венчику											
защипы	63	24,7	59	0	0	0	0	9	6,5	17	25
зубчатый	11	64,8	12,4	33	29	57	72	45,5	78	83	38
резной	21	9,9	26,7	61	71	43	24	45,5	12,5	0	12
шнуровой	0	0,6	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ямочный	5	0	1,9	6	0	0	4	0	3	0	19
По стенкам											
зубчатый	31	41,4	36,8	0	33,3	66,6	25	0	67	0	58
резной	25	13,8	13,3	0	0	0	12,5	0	0	0	0
шнуровой	37	27,6	27,9	66,6	66,6	33,3	50	100	27	0	58
ямочный	7	24,1	14,7	0	0	0	12,5	0	6	0	12
вдавления	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
прочерченный	0	0	0	33,3	0	0	0	0	0	0	0
сложный	x	13,8	?	0	0	0	0	0	0	0	0

ногтевые вдавления	0	6,9	7,3	0	0	0	0	0	0	0	0
-----------------------	---	-----	-----	---	---	---	---	---	---	---	---

Таблица 3

Керамика верхнекамского локального варианта: общие данные

Характеристика керамики	Коновалытское селище	Бутырское городище	Опутьтское городище	Ильинское костище	Гаревское костище (бытовая керамика)	Гаревское костище (культурная керамика)	Усть-Гуйское костище (бытовая керамика)	Усть-Гуйское костище (культурная керамика)	Зародытское селище	Бурковский могильник	Гайинская группа (По В.Ф. Генингу)
Общее количество сосудов	138	242	563	233	7	92	27	45	276	?	?
Число орнаментированных по шейке сосудов	15	29	68	3	3	3	8	1	27	0	?
Типы сосудов											
1	42	35,2	41	0	0	1	13	10	?	?	
2	45	53,4	44	7,3	57	12	21	57	?	?	
3	13	11,4	15	92,7	43	87	67	33	?	?	
Размеры сосудов, см											
до 16	4	21,2	16	большинство	0	100	62,5	?	100	100	
16-30	63	63,5	59	1	71	0	27,8	?	?	?	
больше 30	33	15,3	25	0	29	0	9,7	?	?	?	
Примеси											
раковина	47	основная	52	100	100	82	58	53,6	x	x	
песок	x	0	4	0	0	12	?	27	0	0	
растительные примеси	x	0	2,5	0	0	0	?	43,2	x	x	
шамот	0	0	3	0	0	0	?	0	0	0	
тальк	0	0	0	0	0	0	?	0	0	0	
Обработка поверхности											
заглаживание щепкой											
снаружи	61	46,7	53	2	57	33,3	?	?	?	?	?
внутри	59	?	55	2	57	5,5	?	?	?	?	?
заглаживание мягким материалом											
снаружи	?	?	47	98	43	96,7	?	?	?	?	?
внутри	?	?	45	98	43	94,5	?	?	?	?	?

Таблица 4

Керамика тулвинско-частинского локального варианта: орнаментация

Характер орнаментации	Могильник Верхний Ирьяк	Калиновское городище	Махонинское городище	Красноярский могильник
Индекс орнаментации по венчику	8,5	0	0	0
Индекс орнаментации по стенкам	19,9	46	1	3
По венчику				
защипы	60	0	0	0
зубчатый	0	0	0	0
резной	40	0	0	0
шнуровой	0	0	0	0
ямочный	0	0	0	0
По венчику				
зубчатый	41,6	0	0	0
резной	0	0	0	0
шнуровой	16,6	2	0	0
ямочный	50	95	100	0
вдавления	0	0	0	100
прочерченный	0	0	0	0
сложный	0	3	0	0
чогтевые вдавления	0	0	0	0

Таблица 5

Керамика тулвинско-частинского локального варианта: общие данные

Характеристика керамики	Могильник Верхний Ирьяк	Калиновское городище	Махонинское го- родище	Красноярский могильник
Общее количество сосудов	57	229	415	не менее 31
Число орнаментированных по шейке сосудов	12	105	4	1
Типы сосудов				
1	?	67	23	?
2	?	23	47	?
3	31,57	10	30	?
Размеры сосудов, см				
до 16	46	13	?	?
16–30	43,2	61	?	?
больше 30	10,8	26	?	?
Примеси				
раковина	42	98	92-100	?
песок	8,7	2	?	?
растительные	0	6	20-51	?
шамот	0	0	?	?
тальк	0	0	?	?

Окончание табл. 5

Обработка поверхности заглаживание щепкой снаружи	?	8	?	?
внутри	?	16	?	?
заглаживание мягким предметом снаружи	?	92	?	?
внутри	?	84	?	?

Таблица 6

Керамика осинского локального варианта: орнаментация

Характер орнаментации	Горюхалихинское городище	Осинское городище	Пещерское городище	Черновское I городище
Индекс орнаментации по венчику	43	35	34	63
Индекс орнаментации по стенкам	16	7	12	16
По венчику				
защипы	3	0	0	49
зубчатый	72	10,3	17,5	15
резной	20	82,7	79,5	32
шнуровой	0	0	0	0
ямочный	5	7	3	0
По стенкам				
зубчатый	43	45	44	47
резной	16	38	26	25
шнуровой	9	7	3,5	14
ямочный	29	10	17,5	8,5
вдавления	0	0	0	0
прочерченный	0	0	0	0
сложный	3	x	9	5,5
чогтевые вдавления	0	0	0	0

Таблица 7

Керамика осинского локального варианта: общие данные

Характеристика керамики	Горюхалихинское городище	Осинское городище	Пещерское городище	Черновское I городище
Общее количество сосудов	899	362	356	506
Число орнаментированных по шейке сосудов	144	25	42	81
Тип сосуда				
1	37	32	41,5	39
2	41	44	28	40
3	22	24	30,5	21
Размер сосудов, см				
до 16	8	23,4	50,6	16
16–30	65	68,3	43,4	63
больше 30	27	8,3	8,3	21

Окончание табл. 7

Примеси				
раковина	94	?	95,5	100
песок	1,5	?	9,5	0
растительные	7	?	0	5
шамот	3	?	x	0
тальк	0	?	0	0
Обработка по- верхности				
заглаживание щепкой				
снаружи	36	51	31	57
внутри	41	53	47	60
заглаживание мягким материа- лом				
снаружи	64	49	69	43
внутри	59	47	53	40

Таблица 8

Керамика пермского локального варианта мулянской племенной территории: орнаментация

Характер орнамен- тации	Мокинский могильник	Поселение Половинное I	Селище За- юрчимское VI	Селище Ко- согоры I	Селище Нижняя Ку- рья 1Б
Индекс орнамен- тации по венчику	35,4	81	33,3	71	38
Индекс орнамен- тации по стенкам	11	14,6	41,6	19	5
По венчику					
защипы	5,7	0	20,8	4	0
зубчатый	55	95	29,1	87,5	60
резной	36	5	25	8,5	40
шнуровой	0	0	0	0	0
ямочный	0	0	0	0	0
По венчику					
зубчатый	43	57,8	12,5	16	66
резной		5,4	12,5		
шнуровой	37	21	20,8	38	17
ямочный	12,5	15,8	4,2	16	17
вдавления	0	0	0	0	0
прочерченный	0	0	0	0	0
сложный	?	0	x	13	x
ногтевые вдавления	0	0	0	0	0

Таблица 9

Керамика пермского локального варианта мулянской племенной территории. Общие данные

Характеристика керамики	Мокинский могильник	Поселение Половинное I	Селище Заюрчимское VI	Селище Косогоры I	Селище Нижняя Курья 1Б
Общее количество сосудов	563	130	24	161	75
Орнаментировано по шейке сосудов	62	19	10	0	6
Форма сосуда					
1	?	28,5	12	38	39
2	?	67	54	41	39
3	преобладают	4,5	33	21	22
Размеры сосудов, см					
до 16	?	?	?	?	?
16–30	?	?	?	?	?
больше 30	?	?	?	?	?
Примеси					
раковина	x	85	100	77	основная
песок	x	0	0	x	0
растительные	0	0	0	x	0
шамот	x	15	0	x	x
гальк	0	0	0	0	0
Обработка поверхности заглажива-ние щепкой					
снаружи	?	?	61,7	72	?
внутри	?	?	54,2	75	?
заглаживание мягким материалом					
снаружи	?	?	48,3	28	?
внутри	?	?	45,8	25	?

Таблица 10

Керамика пермского локального варианта чусовской и сылвенской племенных территорий: орнаментация

Характер орнаментации	Костище Слепушка (бытовая керамика)	Костище Слепушка (культовая керамика)	Селище Пеньки	Бродовский могильник (курганная часть)
Индекс орнаментации по венчику	50	5	56	24
Индекс орнаментации по стенкам	19	5	14	4
По венчику				
защипы	0	0	4	16,6
зубчатый	0	0	68	50
резной	85	86	24	16,6
шнуровой	0	0	0	0
ямочный	15	14	0	0

Окончание табл. 10

По стенкам				
зубчатый	0	14	42	100
резной	20	0	5	0
шнуровой	20	29	38	0
ямочный	0	43	0	0
вдавления	40	0	0	0
прочерченный	0	0	0	0
сложный	20	0	1	0
ногтевые				
вдавления	0	14	0	0

Таблица 11

Керамика пермского локального варианта чувоской и сылвенской племенных территорий: общие данные

Характеристика керамики	Костище Слепушка (бытовая керамика)	Костище Слепушка (культурная керамика)	Селище Пеньки	Бродовский могильник (курганная часть)
Общее количество сосудов	26	130	890	25
Число орнаментированных по шейке сосудов	5	7	125	2
Форма сосуда				
1	4	0	40	?
2	81	3	38	?
3	15	97	22	?
Размеры сосудов, см				
до 16	?	100	?	?
16–30	?	0	?	?
больше 30	?	0	?	?
Примеси				
раковина	100	100	100	?
песок	x	0	0	?
растительные	0	0	0	?
шамот	0	0	0	?
тальк	0	0	0	?
Обработка поверхности				
заглаживание щепкой				
снаружи	56	16	?	?
внутри	61,5	20	?	?
заглаживание мягким предметом				
снаружи	44	84	?	?
внутри	38,5	80	?	?